

присущих этому человеку. Сочувствовал, жалел, советовал, предостерегал словом, душой и сердцем был с оставшимися дома. Пытался утешить и обнадежить бабушку, у которой сын пропал без вести в первый день войны: «Наши много освобождают концлагерей. Возможно, что где-нибудь и Бориса встречу». Спрашивал, что пишет зять Александр, какие вести есть от воюющих сослуживцев. В письме мамы есть ответ: «От Бориса нет ничего. Сашка тоже ничего не пишет».

Но, конечно, главное беспокойство о своей семье, о детях. Письма полны вопросов о самом насущном и о мелочах жизни. Обязательно сообщает о том, что выслал деньги по аттестату и сколько: «Перевел Вам деньги 1500 руб. Посылаю для того, чтобы Вы могли приобрести на зиму продукты» (20.07.43). Насколько аттестат старшего лейтенанта мог помочь, ясно из подсчетов мамы: «Аттестат твой только на 9 литров молока». Советует своей молодой жене быть осторожной с деньгами: «Антонина! Будь расчетливой, так как неизвестно, что будет дальше» (20.07.43). «Предупреди сберкассу, а то найдется прохвост и получит за тебя» (18.01.43). «Барахло продавать Вам, думаю, нет необходимости, т.к. позднее его приобретать будет невозможно, все будет очень дорого». Отец знал, что советовать маме. Находились прохвосты, что выманивали у моих простодушных мамы и бабушки то карточки, то деньги. Потому и «барахло» пошло на рынок, иначе семья была бы без хлеба. О чем мама и пишет: «О белье ты спрашиваешь. Да оно почти целое. Но до твоего приезда, если он будет через год, конечно, не сохранится». Особо беспокоило отца наше питание: «Как дело обстоит у Вас с картофелем? Наверное, уже доедаете? Как питаетесь, носите ли из столовой обеды? (18.01.43). Как обстоит дело с огородом? Сумели ли Вы что-либо посадить?» (10.05.43). Отец тосковал по детям, жалел, что не видит, как мы подрастает. Беспокоился о нашем здоровье: «Здоровы ли ребята, чем Вы их кормите? Если буду жив и приду домой и будут ребята больны или истощены, то крепко Вам всем попадет!» (11.08.43). Он как в воду глядел. Дела в семье действительно были сложные. «Топлива нет, картофеля нет», – пишет мама. «Большие оба к туберкулёзу расположены, а маленький и того хуже, Борька больной... два годика, а он ещё не ходит». С высоты моего нынешнего возраста и опыта я с некоторым облегчением думаю – хорошо, что это письмо не дошло до воина. Конечно, лечили нас со всей основательностью и под жестким контролем, как это делалось только при Советской власти. И здоровье наше наладилось.

Я читаю письма и чувствую мятущуюся в тоске душу большого и сильного человека. Как он хотел сберечь нас, заслонить и спасти от гибели. И в этом желании мощный мотив самопожертвования. Как клятва звучат отцовы слова в одном из писем маме: «Наше счастье будет тогда, когда окончится война и буду жив я, Антонина! Я жил и работал только для тебя и ребят, и если буду жив и будут у меня руки и голова, будем жить не хуже, а еще лучше, чем жили до сих пор».

Самая большая боль отца – отсутствие писем из дома – в силу того же беспорядка на войне, метания солдата с фронта на фронт, из части в часть. Письма просто его не находили. «Писем не получал 9 месяцев. Наверное, меня давно уже похоронили и не ждут» (октябрь, 1943). «Жду терпеливо от Вас ответа о причине Вашего молчания. Неизвестность заставляет беспокоиться. Если больны, то прошу написать Олю (сестра мамы – М.О.). Мне не ясны причины и их нет, чтобы прервать вечную связь со мной». Из письма мамы, вернувшегося с пометкой «адресат выбыл», я читаю о том, как мама, написав ответ, бежала на вокзал к эшелону, идущему на фронт. Ей казалось – отправить письмо с эшелонном надежнее: «Пишу тебе на новый адрес шестую открытку. Сегодня посылаю с московским поездом. Если это ещё не дойдет, тогда ничего больше придумать не могу». Но письма